
Анна Семенова

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ЭТОСА
В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ**

Стаття присвячена питанню етичної відповідальності розуму, що філософує, перед істиною. Зокрема, висвітленню фундаментальної ролі філософського етоса у феноменологічній концепції Е. Гуссерля.

Ключові слова: феноменологічний метод, філософська раціональність, етичне обґрунтування

Статья посвящена вопросу этической ответственности философствующего разума перед истиной. В частности, освещению фундаментальной роли философского этоса в феноменологической концепции Э. Гуссерля.

Ключевые слова: феноменологический метод, философская рациональность, этическое обоснование

This article is devoted to ethical responsibility of philosophical reason to the truth; especially, to fundamental role of philosophical ethos in Husserl's phenomenology.

Key words: phenomenological method, philosophical rationality, ethical substantiation.

Этическая сторона философии всегда была вопросом достаточно неоднозначным. «Ответственность философа была всегда либо непомерно большой, либо, напротив, чрезмерно малой, практически несуществующим вопросом» [6, с. 104]. Для некоторых мыслителей она играла существенную роль, для некоторых нет. Ответственность философа, во всяком случае, не всегда эксплицировалась как имеющая строго обязательный характер. Хотя, как представляется, должна была – в силу самой природы философского знания. Ведь философ в своем философствовании стремится к Истине, занимается ее поиском и в этом стремлении ведет за собой человечество. В данной ситуации философ несет тройную ответственность: перед собой, перед человечеством, а главное – перед Истиной.

По мере своего развития феноменология Гуссерля раскрывала бескрайний горизонт личной ответственности философа (понимаемого в первую очередь как феноменолога). Зарождаясь как наукоучение, как вспомогательная дисциплина для создания фундамента чистой логики, она вырастает в «первую философию», в универсальную онтологию и, в конце концов, в универсальную философию, принимая ответственную метафизическую позицию, что, в конечном счете, переводит разговор о целях и возможностях философии в том числе и в область этики. Мне думается, что закономерно для позиции Гуссерля, демонстрируемой им на протяжении всей его жизни, в рамках этого продвижения философская

рациональность получает этическое обоснование, и именно философия как строгая наука с ее универсальным феноменологическим методом, по мнению Гуссерля, дает возможность не сбиться с пути, ведущего к Истине, и не забыть о своей ответственности перед ней.

Тема кризиса культуры, которая волновала умы большинства мыслителей начала 20 века, не была проигнорирована и Гуссерлем. Он связывал «кризис европейского человечества» в основном с кризисом наук, с отрывом наук от своего основания, что привело к потере веры, упадку морали. В связи с этим звучит призыв к «обновлению», т.е. осознанию нравственного идеала и следованию ему. Гуссерль говорит о необходимости нравственной борьбы под предводительством идеалов разума. «Настроенность на борьбу, направленную на достижение лучшего состояния человечества и подлинно гуманной культуры, должны признать за абсолютное этическое требование» [3, с. 112].

Гуссерль, размышляя о судьбе европейской культуры и человечества, в том числе рассматривая и этические проблемы, утверждает, что только строгая наука с надежным методом может провести теоретическую работу, необходимую для рациональной реформы культуры. Если встает вопрос о кризисе культуры, значит, существует представление о лучшем ее состоянии, существует представление об идеальной возможности истинного и подлинного ее состояния. Для этого нужно проведение научного сущностного анализа идеи «подлинного или разумного человечества», что может быть проделано посредством последовательного применения феноменологического метода.

Здесь не следует рассматривать факты нравственной жизни сами по себе, рассматривается их чистая сущность, их рациональное содержание, «каждый факт делает возможным свое рациональное (точное) познание и требует его» [3, с. 119]. Данное познание может быть осуществимо с помощью сущностной науки, и с помощью этой науки становится возможным теоретическое изучение определенного факта и той области фактов, к которой он принадлежит. И наука эта, по мнению Гуссерля, – трансцендентальная феноменология с ее универсальным методом. Применяя этот метод к человеку, в результате перехода из естественной установки в «царство чистых возможностей» с помощью свободного варьирования всех моментов эмпирически функционирующего отдельного человека, исследователь приходит к высшему единству чистой идеи одушевленного, телесно-духовного существа вообще.

Поскольку феноменологический анализ требует начинать исследование с абсолютно данного в акте рефлексии, подвергнутого методическим ограничениям редукции, в ситуации с поиском сущности этического

идеала, подлинного человека и человечества и их истинных жизненных форм исходным объектом феноменологического усмотрения становится Я феноменолога, изучая которое с позиций трансцендентального анализа, он приходит к постижению этой сущности. В этом случае, как и в ситуации восхождения к сущностному усмотрению путем свободного варьирования в фантазии способов данности предметов внешнего мира, фактическое восприятие моего Я превращается сознанием исследователя в одну из возможных форм явления Я своему трансцендентальному основанию, трансцендентальному субъекту, соотносимому с эмпирическим Я и обуславливающим его. Затем, совершая в модусе чистого воображения перебор различных возможных форм моего Я, исследователь приходит к выявлению инвариантных, сущностных определений человечности как таковой и этического идеала как основания человечности. Гуссерль утверждает, что в человеке а priori идеальным образом содержится сущность этического человека, его идеал [3, с. 130], который устанавливается путем достижения его сущностного усмотрения на основании варьирования возможными формами явления Я самому себе.

Таким образом, в области этики метод трансцендентально-феноменологического анализа нашел у Гуссерля свое убедительное применение.

Обновление человека, его постоянное стремление к идеалу, является основной темой этики. «Существовать как нравственному существу для человека означает опираться в своем становлении, своем выборе, своих поступках, во всей своей жизнедеятельности на Истину посредством разумного открытия ее указаний» [5, с. 47]. Это стремление и есть нравственная борьба, которая возвышает человека. Описать в сущностной всеобщности жизнь человека, возвышенную до нравственной борьбы за обновление, призвана этика. «Чистая этика – это наука о сущности и возможных формах такой жизни в чистой (априорной) всеобщности» [3, с. 121]. Эмпирическая пытается согласовать нормы чистой этики с эмпирическим.

Мораль – это деятельность разумной субъективности, согласованная с разумом, который регулирует всю его жизнь. Это индивидуальная этика, помимо которой существует этика сообщества. Каждое человеческое общество распространяется настолько, насколько распространяется единство его культуры. Культура представлена как единство деятельной жизни данного сообщества. Сообщество здесь выступает в качестве субъективности, «личности более высокого порядка». Это более высокая жизненная форма, в ней реализуются личностные достижения сообщества, «в его устремлении и волеии». Гуссерль считает, что деятельная жизнь всего сообщества (человечества) может принять единый образ этической жизни. И в русле этого единого образа «этической» жизни человечество,

в своем постоянном обновлении, преобразовывалось бы в подлинное человечество, и создавало бы «подлинно гуманную» культуру. То есть, обновление представлено как социальная проблема, просматриваемая через призму индивидуально-этического.

Человек начинает стремиться к чему-то истинному, стремиться к совершенной жизни вообще, так как эта совершенная жизнь, абсолютное благо не приводит к разочарованию и дает постоянное удовлетворение. Разумная координация действий, которая приводит к их оправданию не случайному, а в результате «ясных соображений разума», создает совесть. Вся жизнь такого субъекта преобразовывается в жизнь, направляемую «совершенно благой совестью», жизнь, которая дает возможность человеку оправдаться перед самим собой. Такую жизненную форму можно назвать «подлинной человечностью». Возникает идея истинного разумного человека, который действует руководствуясь разумом всегда, а не просто обладает такой способностью и иногда ею пользуется. Человек, оценивая себя и свою жизнь, старается совершать свои действия каждый раз «наилучшим образом». И такая жизнь имеет для своего субъекта характер абсолютно должной. В процессе такого движения, дальше на фоне этого относительного возникает абсолютный идеал личного совершенства. «Абсолютный предел, полюс, располагающийся поверх всякой конечности, к которому направлены все подлинно человеческие стремления, есть идея Бога» [3, с. 129]. Человек, стремящийся к этому идеалу, осуществляющий свои действия, наилучшим образом руководствуясь разумом, представляет собой относительный «идеал совершенного человеческого человека». Идеал, который несет на себе «печать бесконечности».

«Основное свойство человеческой жизни, имеющей наивысший ценностный образ, который только можно помыслить, есть абсолютно императивное свойство» [3, с. 130].

Человек, стремящийся к идеалу, представляет собой постоянное развитие. Он постоянно творит себя как абсолютно разумного, исходя из непоколебимой воли к абсолютной разумности, путем «абсолютно разумного становления». Человек в данном становлении представлен и как субъект (который осуществляет это становление) и как объект, на который оно направлено. Каждый новый акт личности, преобразовывающей себя, приобретает образ «хабитуальной законосообразности» на основаниях более ранней оправданности, и этот акт принимает этическую форму. Эта этическая норма имеет сущностный характер и требует управления всей индивидуальной жизнью на основании категорического императива разума, «требует от нее быть как

можно лучше перед разумом во всех возможных личных актах» [3, с. 134]. Гуссерлевский категорический императив не является формальным, он содержателен, здесь попытка открыть сущность этического человека, открыть априори, содержащиеся в таком человеке.

Каждый лично приходит к осознанию необходимости принятия самого важного в жизни решения, установления главной цели, что будет свидетельствовать об «этическом совершеннолетии» человека. Этическая жизнь представляет собою «непрерывно длящееся обновление». Этика у Гуссерля выходит за пределы понимания ее как нормативного учения о поведении человека в социуме. «Этика перестает трактоваться как узкопрофессиональное рассмотрение морального поведения общественного человека, а становится нормативной наукой обо всей жизнедеятельности человека, формулирующей основные принципы и начала бытия» [5, с. 47].

Мы пришли к пониманию этики как разумному стремлению к Истине, выражающемуся в самоконтроле всех сфер жизнедеятельности. Если жизнь каждого индивида будет направляема этой разумностью, то общество как «высшая личность» придет к своему выздоровлению.

«С самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой и притом такой, которая удовлетворяла бы самым высоким теоретическим потребностям и в этическо-религиозном отношении делала бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума» [4, с. 255].

Могут возникнуть возражения: какая же философия наука, ведь нас учат тому, что это не наука, а определенная область знания, радикально отличающаяся от науки. Можно сказать, что замечание отчасти уместно, поскольку сам Гуссерль тоже считает, что философия не наука, однако, для него – *пока еще* не строгая наука, так как стать строгой наукой, реализовать свои притязания ей пока и не удавалось. Но ведь она призвана давать человечеству чистое и абсолютное познание, призвана найти аподиктические основания нашего знания. Это под силу только подлинной науке, считает Гуссерль, ориентирующейся на ясность и отчетливость теоретического усмотрения, а не мудрости, впадающей в хаос глубокомыслия [4, с. 311].

Конечно, каждая наука призвана найти нечто нерушимое временем, основу, на которую можно положиться всегда, для развития своей области знания, стремится к объективности знания, которое она дает. Но ни одна наука в тоже время не является совершенной, законченной, если можно так выразиться, перед каждой открываются огромные горизонты неизученного пространства, ни одна наука не является абсолютно

замкнутой системой. По мнению Гуссерля, ни одна наука, даже математика, столь многим служившая образцом строгости и точности, окончательно не достигла подлинного статуса строгой науки. И философии не довелось реализовать свое подлинное призвание превращать «чаяния глубокомыслия в ясные рациональные образования» [4, с. 311], что «делало бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума» [4, с. 255].

Для Гуссерля ясно, что все предыдущие попытки создания научной философии (в частности, попытки позитивизма, дискредитирующие философское познание как таковое) не увенчались успехом, но при этом он считает, что не стоит отказываться от идеи строгой науки философии, даже можно сказать, что он пытается реабилитировать эту идею, возродить былую веру в возможность познания Истины, вырваться из сетей скептицизма, нигилизма и релятивизма. «Скепсис в отношении возможности метафизики, крушение веры в универсальную философию, способную дать руководство новому человеку, говорит именно о крушении веры в разум» [2, с. 28]. На что же тогда можно положиться, если не на разум, который придает смысл всему сущему, который единственно может приблизить нас к истине? Если человек утрачивает веру в разум, он в конце концов утрачивает веру в себя.

Ясным для Гуссерля является и то, что ни один научный метод из уже выработанных различными науками не применим к философии с ее огромными претензиями. Им, как считает Гуссерль, не хватает умственной честности, да и помимо этого, наоборот, все науки должны ориентироваться на философию в своем поиске. Все эти выводы привели мыслителя к усмотрению и формированию феноменологического метода, о котором шла речь выше, что даст возможность продвижения к Истине.

Итак, феноменология, по мнению Гуссерля, и есть строгая наука (не следует отождествлять это Гуссерлевское понимание с крайне сциентистским пониманием позитивизма) со строгим методом, именно метод и обеспечивает философии ее научную строгость. Как уже было показано выше, этот метод, применительно к этической природе человека, приводит его к усмотрению его идеальной сущности. Но это – результат применения феноменологического метода. Выход в область этики был для Гуссерля результатом последовательной работы по усмотрению универсального метода и применению его во всех областях жизни человека и, в конце концов, применительно к человеку как к объекту исследования, что и приводит к постижению сущности человека, заключающейся в его этической природе. Это было, своего рода, финалом огромной и плодотворной работы великого философа, но нужно сказать,

что начало было положено тоже, определенным образом, в этической области. Но, опять же, мне кажется, что этика здесь должна пониматься в Гуссерлевском широком смысле. Что здесь имеется в виду?

Рассмотрение этической концепции Гуссерля сводится к тому, что каждый человек имеет возможность усмотреть свою идеальную сущность с помощью собственного разума. Но, как видно из вышесказанного, это не просто возможность, а возможность, влекущая за собой ответственность. Каждый человек рано или поздно ставит перед собой вопросы о смысле жизни, о своей истинной природе, о поиске истинного знания, и каждый понимает, что в поиске ответов ему (во всяком случае, изначально) может помочь только его собственный разум. В поиске истины человек, полагаясь на свой разум, ставит разум, таким образом, в ответственную позицию. «Этос этой ответственности требует от человека знать о себе и о своей ситуации столько, сколько он может» [7, с. 98]. В данном случае речь идет об ответственности человека перед самим собой. Важно то, каким образом человек с помощью своего разума будет стремиться к истине, это, во-первых, и, во-вторых, если ему удастся достичь ее, будет ли он следовать ей или отдаст предпочтение каким-либо своим корыстным желаниям? Ведь усмотреть истину – это полдела (хотя достичь этого и не просто), не менее сложной задачей является следовать ее указаниям, а это предполагает постоянную нравственную работу над собой. Как уже было сказано, если бы каждый осознавал эту ответственность перед самим собой, общество в целом достигло бы своей идеальной сущности.

Но приходится признать, что далеко не каждый человек занимается таким глубоким самоанализом и усматривает свою сущность. Большинство людей, особенно в наше время глобального распространения массовой культуры, привыкли потреблять то, что им дают «авторитетные источники», такие как книги, телевидение и т. д., не считая нужным проверять это на истинность. Конечно, при таком потоке информации проверять все на истинность не представляется возможным, да многие считают, что и не нужно, ведь, по идее, этим занимаются специалисты, прежде всего ученые. Авторитетом для людей становится наука, но именно она, как считает Гуссерль, прежде всего охвачена кризисом. Наука уже давно оторвана от жизни, и соответственно далека от истины, о какой же ответственности науки перед Истиной в таком случае можно говорить?

Здесь мы опять возвращаемся к философии с ее универсальными претензиями. Возвращаемся к философской рациональности как таковой. Можно сказать, что большинство исследователей отмечают сегодня отход от универсальных претензий философии, потерю веры в существование аподиктических оснований познания.

Как уже говорилось, это именно то, с чем так отчаянно боролся Гуссерль. Он критиковал современную ему философию именно за скептицизм, релятивизм, за ее неверие в истину и в возможности познающего разума, за ее безответственную позицию. И, как видно, эта тенденция продолжает расти, кризис не преодолен, мало того, он разрастается и даже принимается как должное. Ответственность за истинность всего происходящего, получается, не несет никто, а должен ли? Все это исследование направлено на то, чтобы показать, что не просто должен, а само понятие ответственности заложено в качестве априори и является неотъемлемой частью философской рациональности. «Человек несет ответственность за себя и за свою культуру, но только наука или философия может быть ее выражением и дать полное объяснение всех наших требований и убеждений» [7, с. 98].

Философский взгляд всегда направлен к истине, не имеет значения, какое направление философии взято за основу, даже когда философ утверждает, что познание невозможно вообще, что разум не способен усмотреть истину и т. д., это уже в определенной степени результат его ответственного философствования, а изначальная установка философа все равно направлена на достижение истины. Сам философский ум имеет такую направленность. Достигнет ли он какого-либо результата, это уже будет зависеть от того, каким путем он пойдет, но изначальная установка всегда одна и та же. И ставя перед собой такую непростую задачу, философ, понимая свою ответственность перед собой, перед человечеством и перед Истиной, начинает искать путь, то есть метод, который позволит хотя бы приблизиться к цели. Каждый изучает наследие прошлого, ищет в нем подсказку, каким путем вернее идти, кто-то отрицает все и пытается создать нечто новое, кто-то на старом фундаменте отстраивает новое здание, и все для того, чтобы приоткрыть завесу истины. И каждый раз, когда что-то отрицается, это тоже делается с осознанием своей ответственности, сама рациональность, становясь на этот путь, находится изначалью в ответственной позиции.

А для Гуссерля статус философа – это огромная ответственность, это мнение, на которое должна полагаться наука, которая ведет за собой все человеческое общество и его культуру. «В нашем философствовании мы выступаем как функционеры человечества. Целиком личная ответственность за истинность нашего собственного, основанного на внутреннем личном призвании бытия в качестве философов несет в себе и ответственность за истинное бытие человечества, которое возможно только в стремлении к телосу и которое если вообще и может быть осуществлено в действительности, то только через философию» [2, с. 34].

Не случайно Гуссерль именно на философов возложил миссию выведения человечества из кризиса. Он сам, как философ, совершенно отчетливо понимал весь груз ответственности и, как было показано выше, свой путь к истине прокладывал не спеша, проверяя каждый свой шаг, этот этос заставил его начать все с начала, ни на кого не полагаясь. Он прошел этот путь и достиг того, к чему стремился – «это стремление к абсолютной философской автономии и ответственности» [7, с. 100]. А это возможно, в свою очередь, если исходить из абсолютной веры в Истину и возможности разума в ее постижении. Вера в сочетании с высочайшей ответственностью разума и обеспечивает знанию одновременно человеческое измерение, возможность включить его в смысложизненный контекст и абсолютное измерение аподиктической достоверности, придающей знанию «печать вечности».

Ответственность перед истиной привела Гуссерля к формированию феноменологического метода, и он призывает других философов объединиться в едином усилии и со всей долей ответственности вывести человечество из кризиса. Можно сказать, что философия Гуссерля в конечном счете принимает миссионерский характер. Философ для него – миссионер человечества. Философ приобретает статус пастыря и миссию спасения, но для Гуссерля это философ только в смысле феноменолога. Феноменология для Гуссерля есть наука об абсолютно существующем бытии, а поэтому, по словам основоположника феноменологии в одном из его манускриптов, она, в конечном счете, есть «неконфессиональный путь к Богу» [1, с. 164].

1. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки. – М.: Наука, 1985. – 192 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. – М., 1992. – № 7. – С. 297–330.
3. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. – М., 1997. – № 4. – С. 109–135.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Труды семинара по герменевтике (Герменеус). – Вып. 1: Сб. науч. тр. / Одес. гос. консерватория; о-во «Одесская гуманитарная традиция». – Одесса: Принт Мастер, 1999. – С. 255–316.
5. Иванова-Георгиевская Н. А. Разум как основа нравственной жизни в этических учениях Э. Гуссерля и К. Войтылы // Феноменологія і практична філософія. Щорічник Українського феноменологічного товариства 2001. – К., 2002. – С. 45–55.
6. Майборода Д.В. Этос Философии // Топос. – Мн., 2002. – № 1 (6). – С. 104–116.
7. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. Пер с англ. / Перевод группы авторов под ред. М. Лебедева, О. Никифорова (Ч. 3). – М.: Логос, 2002. – 680 с.